

XLIII г.

№ 20

Выходитъ еженедѣльно (52 № въ годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО, А. И. КУПРИНА, А. А. ФЕТА и ОСКАРА УАЙЛЬДА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ Модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

г. XLIII

1912

Выданъ 19-го мая 1912 г.

Подписная цѣна съ дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій А. А. Фета“ кн. 3.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1912 г.

Г. Зеегеръ. Встрѣча.

Избалованный.

Веселая повѣсть въ духѣ времени.

Ал. Лугового.

(Продолженіе).

IV.

Давидъ, давъ Володѣ спуститься съ террасы въ садъ, направился въ столовую. Черезъ нѣсколько минутъ онъ прошелъ обратно въ сопровожденіи горничной Липы,—онъ несъ вазы съ фруктами и конфетами, она — поднось съ салфетками, ножами и тарелками.

И опять въ самыхъ дверяхъ ему встрѣча: изъ сада входили въ гостиную Котя и Маня. Они искали уединенія, и какъ только издали завидѣли, что всѣ уходятъ въ садъ, они по другой аллеѣ вернулись въ домъ.

Котя остановилъ теперь Давида и Липу и, обрадованный, обратился къ Манѣ:

— Вотъ чудесно. Чѣмъ прикажете угостить васъ, Марья Павловна?

Маня равнодушно взглянула на вазы:

— Все равно. Немного конфетъ.

Котя взялъ тарелочку и салфетку, осмотрѣлъ конфеты и не рѣшается:

— Какихъ вамъ?

Маня выбрала сама:

— Благодарю васъ.

Давидъ и Липа ушли, Котя и Маня сѣли: она на диванъ, онъ — на кресло около нея.

И вотъ Котя смотритъ на Маню настойчивымъ взглядомъ, точно гипнотизируетъ ее, и съ нѣкоторымъ пафосомъ серьезно говорить ей:

— Нѣтъ, вы скажите-таки мнѣ, почему вы думаете, что я неискренень.

Маня опустила глаза, но лицо ея спокойно-просто, слова звучать немного грустно:

— Не знаю. Мнѣ такъ кажется. Мнѣ кажется, что вы думаете обо мнѣ: вотъ глупая институтка, ипе оіе, которой чтѣ ни скажи — она повѣритъ.

Котя чуть-чуть возмутился:

— Вотъ это и есть плоды институтскаго воспитанія! Держать вдали отъ жизни и приучаютъ бояться жизни, учатъ никому не довѣрять.

— О, нѣтъ! Насъ этому не учили. Я учусь этому теперь, по выходѣ изъ института... Я не буду защищать систему нашего воспитанія, но, право, она совсѣмъ не такъ плоха, какъ о ней говорятъ. Принято нападать на нее, и всѣ нападаютъ. Я не вынесла изъ института ничего худого. Институтъ не помѣшалъ мнѣ остаться самой собой. Да и вообще всѣ люди сами по себѣ. Мы съ Музой одинаковаго воспитанія, двоюродныя сестры, а развѣ мы похожи другъ на друга?

Теперь Маня подняла глаза и посмотрѣла въ лицо Коти пристальнымъ взглядомъ.

Онъ отвѣтилъ ей нѣжно-покорнымъ взглядомъ увѣреннаго въ себѣ влюбленнаго и сказалъ:

— Вотъ потому-то меня и влечетъ къ вамъ, а не къ ней.

Маня, продолжая смотрѣть на него, немного помолчала. Потомъ, съ улыбкой, съ мягкой ироніей, съ наивнымъ безсердечіемъ, подзадоривала его:

— Къ ней вамъ не съ чѣмъ и подойти. Она — кого ей нужно, сама позоветъ.

Котя слегка сдвинулъ брови и уже болѣе сухо произнесъ:

— Оставимъ Музу Андреевну звать кого ей угодно, — вернемся къ намъ самимъ. Итакъ, вы находите, что я неискренень, когда говорю, что вы представляетесь мнѣ дополненіемъ моего „я“: такой же частью „М“ въ моей душѣ, какую замѣняетъ въ ней часть „Ж“, недостающая душѣ вашей. И я продолжаю утверждать, что въ нашихъ душахъ, вашей и моей, элементы мужескій и женскій сочетались какъ разъ въ такихъ пропорціяхъ, что при соединеніи чашихъ душъ получится изъ различныхъ четырехъ дробей одно полное „М“ и одно полное „Ж“. Въ результатѣ полная гармонія. — И, опять посмотрѣвъ Манѣ въ глаза нѣжно-покорнымъ

взглядомъ, онъ сказалъ: — Почему же я долженъ быть неискренень, чувствуя это?

Маня улыбнулась:

— Да потому, что я-то не чувствую этой гармоніи. Значитъ — вы не дополненіе къ моей душѣ.

Котя горячо возразилъ:

— Совсѣмъ „не значитъ“. Что вы не „чувствуете“ — это можетъ быть, — но это только потому, что вы меня еще не разглядѣли. А разглядите, почувствуете, и тогда... тогда...

Маня не дала ему придумать, какъ выразить то, что ему хотѣлось сказать, она прервала его, и ея голосъ и выраженіе лица ея ясно говорили, что она задаетъ не праздный вопросъ:

— Ну, а представьте, что я искренно почувствую, что нашла — не въ васъ, а въ другомъ — дополненіе къ своимъ „М“ и „Ж“, а мое „дополненіе“ не разглядитъ меня. Въ какомъ положеніи очутимся тогда мы всѣ?

Котя начиналъ досадовать на ея упорство и на свою неудачу. Чтобы скрыть это, онъ изобразилъ на лицѣ комическое недоумѣніе и развелъ руками:

— Тогда?.. Тогда получится такъ называемая драматическая коллизія.

— Чтѣ такое драматическая коллизія?

Котя началъ запутанно объяснять.

Изъ сада на террасу поднимались въ это время Россинъ и Муза. Генераль взялъ со стола на террасѣ свою фуражку, а Муза, какъ вошла, прямо къ Манѣ:

— Мы тебя вездѣ ищемъ. Мы съ папой уходимъ, пойдемъ.

Манѣ какъ-будто стало жаль уйти:

— Такъ скоро?

Но генераль ласково подтвердилъ:

— Пора, милочка, пора! Не надо надоѣдать хозяевамъ. Вечеромъ Нина Михайловна звала всѣхъ насъ на чашку чаю, такъ еще успѣешь и ты наговориться съ Константиномъ Антоновичемъ. Теперь онъ извинитъ меня, что я отнимаю у него даму. Иди, простись съ хозяевами.

Маня встала, а за нею всталъ и Котя. Онъ посмотрѣлъ на Маню, потомъ на генерала, какъ бы желая угадать ихъ настроеніе, и съ особенной любезностью сказалъ:

— А я, если позволите, пойду проводить васъ до вашей дачи.

Муза поморщилась, но генералу это понравилось:

— Прекрасно.

И Котя пошелъ съ Маней, чтобы тоже проститься съ хозяевами. Генераль сказалъ ему вслѣдъ:

— Владиміръ Ильичъ пошелъ искать Маню и васъ по аллеямъ, такъ вы аукните ему, чтобъ онъ зналъ, что вы напались.

— Хорошо, аукнемъ.

Какъ только Муза осталась съ отцомъ наединѣ, она мгновенно перемѣнилась. Глаза заблестѣли, въ голосѣ дрожь, раздраженіе:

— Это просто неприлично, папа, какъ ты себя ведешь! Недостойно твоего положенія и возраста.

Выразительность ея негодующей рѣчи усиливалась еще тѣмъ, что она, боясь быть услышанной изъ сосѣднихъ комнатъ, оглядывалась по сторонамъ, отодвигалась отъ дверей и тщательно сдерживала себя, чтобы говорить полупотомъ.

Генераль, напротивъ, сталъ еще мягче, нѣжнѣе:

— Да чтѣ я сдѣлалъ, Музочка, что ты сердилась?

— Ничего особеннаго не сдѣлалъ. Все поведеніе ваше неприлично. Вы ухаживаете за Ниной Михайловной на глазахъ у всѣхъ такъ, что смотрѣть противно.

Генераль тоже оглядывается на всѣ двери и сдерживаетъ свой голосъ:

— Полно, полно, Музочка. Тихе.

— Ахъ, оставьте! Я двадцать четыре года слушаю это: Музочка, тихе! Музочка, потише!

— Ну, да, да... Успокойся, милая.

И, поднимая немного брови и плечи, какъ знакъ недоумѣнія, генераль съ сомнѣніемъ и нѣкоторымъ сокрушеніемъ говорилъ:

— Не можетъ быть, чтобъ я ухаживалъ неприлично. Я еще португей-юнкеромъ умѣлъ прилично ухаживать. Во всѣхъ оберъ-офицерскихъ чинахъ ухаживалъ удачно. Отъ покойницы-матери твоей никогда ни одного упрека не слыхалъ. Да и ты прежде... ничего... Нѣтъ тутъ что-то не такъ.

Муза рѣшительно отрѣзала:

— Все, что я говорю, не можетъ быть „не такъ“! Неужели вы думаете, что Нина Михайловна пойдетъ за васъ замужъ?

Генераль немного обидѣлся, выраженіе лица его, сохраняя нѣжность, приняло отрѣнокъ грусти:

— А отчего бы и нѣтъ?

Муза вздохнула вздохомъ отчаянія:

— Охъ!.. Нѣтъ, въ винтъ по маленькой вы играете гораздо лучше, чѣмъ въ игру жизни на крупныя ставки!

— Не сердись, Музочка, но ты неправа

— Неправы вы, только мѣшая мнѣ, когда у васъ нѣтъ серьезной надежды выиграть свою партію.

— Ты противорѣчишь самой себѣ, Музочка. Если ты увѣрена, что Нина Михайловна не пойдетъ за меня, такъ, значитъ, я и не помѣшаю твоимъ видамъ на ея Володю. А я, въ свою очередь, меньше вѣрю въ то, что онъ женится на тебѣ, чѣмъ въ то, что Нина Михайловна будетъ твоей мачехой. Подадимъ другъ другу руки и... посмотримъ, кто выиграетъ раньше.

Муза на минуту задумалась. Потомъ рѣшительно сказала:

— Хорошо. Посмотримъ. Но помните, что вы должны будете уступить мнѣ дорогу и отказаться отъ Нины Михайловны, когда увидите, что Володя — мой. Моя ставка значительно крупнѣе вашей.

Генераль разнѣжничался еще болѣе:

— Я докажу тебѣ, Музочка, мою отцовскую любовь! Да, я уступлю!.. Но знай, что ради тебя я лишаюсь того луча счастья, который мнѣ блеснетъ, быть-можетъ, именно здѣсь въ послѣдній разъ въ жизни. Я чувствую, что полюбилъ Нину Михайловну...

Муза съ усмѣшкой посмотрѣла на него и прервала его признаніе:

— Скажите, какая сентиментальность!.. — И потомъ внушительно произнесла: — Да вы поймите вотъ что: вашъ бракъ съ Ниной Михайловной совсѣмъ лишаетъ меня возможности стать женой Володи. А когда я выйду за него, такъ вы устраивайтесь съ нею, какъ хотите. Вы оба — люди съ опредѣленнымъ положеніемъ, съ прожитой жизнью. Ничто и никто вамъ не помѣшаетъ любить другъ друга... и я всего менѣе. Понимаете?

Генераль нѣкоторое время смотрѣлъ на нее, не понимая. Потомъ, просвѣтленный, взялъ ее за подбородокъ и ласково-ласково произнесъ:

— Дай я поцѣлую твой умный лобикъ.

И поцѣловалъ.

Внизу у террасы послышались голоса.

Генераль принялъ серьезный видъ:

— Слышишь, идутъ. Двинемся.

Муза отвѣтила:

— Идемъ.

Они вышли на террасу, спустились въ садъ. И тамъ, уже на ступенькахъ, попрощались съ подошедшими сюда хозяевами. Потомъ Нина Михайловна и Пенинскій поднялись на террасу, и отсюда Нина Михайловна еще разъ сказала вслѣдъ уходящимъ:

— До свиданья, генераль, до свиданья, mes chéries!

Потомъ обратилась къ сыну, оставшемуся еще внизу и говорившему съ Котей и барышнями:

— Володя, проводи же и ты барышень... До свиданья! До вечера...

Володя оттуда отвѣтилъ:

— Да, мама, мы проводимъ ихъ. И Елена Антоновна съ нами. Кланялся уходящимъ и Пенинскій.

Потомъ онъ и Нина Михайловна вошли въ гостиную. Бѣгло оглянулись по сторонамъ, протянули другъ другу обѣ руки и вотъ уже стоятъ и любовно смотрятъ въ глаза другъ другу. И Нина Михайловна, какъ-то радостно, ритмически покачивая изъ стороны въ сторону головой, точно отстраняя что-то мѣшавшее и еще не совсѣмъ свалившееся, страстнымъ голосомъ говоритъ ему:

— Enfin seuls! Какъ я ждала этого момента! Какъ я соскучилась о васъ, Тоня!

Пенинскій ласково смѣется ей:

— Со вчерашняго вечера?

Она такъ же ласково поправляетъ его.

— Со вчерашняго дня.

Онъ слегка обнялъ ее за талию, она склонилась головой къ нему на плечо, и тихо пошли къ дивану. Пенинскій почтительно и нѣжно прильнулъ къ ея рукѣ долгимъ поцѣлуемъ.

VII.

Вечеромъ того же дня въ саду около китаевского дома, на чугунной скамейкѣ, полковникъ Ивановъ велъ интимную бесѣду съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Вечеръ и мѣсто располагали къ поэзии. Между высокими липами и березами раскинулись кусты сирени и орѣшника, цвѣточные клумбы, широкія дорожки. Съ одной стороны на вершины кустовъ падалъ издали широкимъ красноватымъ пятномъ свѣтъ изъ оконъ дома, на другой — гдѣ слабо, а гдѣ яркимъ лучомъ пробивался сквозь вѣтви деревьевъ свѣтъ стоявшей въ зенитѣ луны. Тепло и тихо. Изъ дома слышались звуки рояля: самъ именинникъ, по просьбѣ барышень, играетъ ноктюрнъ собственнаго сочиненія.

Но Павлу Трофимовичу не до поэзии. Въ послѣдніе дни газеты приносили все тревожныя извѣстія о все продолжающихся сенаторскихъ ревизіяхъ. Павелъ Трофимовичъ за время своей службы въ интендантствѣ скопилъ-таки „малую толику“. Но онъ дѣйствовалъ всегда съ большой осмотрительностью и оказался благоразуменъ до конца: какъ только кончилась японская война, онъ, пользуясь предложомъ полученной на войнѣ контузіи, тогда же вышелъ въ отставку и повелъ скромный образъ жизни на пенсію. Капиталы свои хранитъ частью въ процентныхъ бумагахъ въ банкѣ, частью при себѣ. Теперь, вдругъ забоявшись, что и онъ подвергнется обыску, онъ спѣшно ищетъ, кому бы дать въ надежныя руки и за хорошіе проценты денегъ подъ векселя, а процентныя бумаги — подъ расписки „на храненіе“, съ тѣмъ расчетомъ, разумѣется, что „хранитель“ воспользуется ими для залоговъ и за „право храненія“ заплатитъ дороже, чѣмъ за самую ссуду подъ залогъ. Векселя и расписки легче вѣдь скрыть отъ ревизующихъ глазъ, чѣмъ процентныя бумаги, и часть своего капитала Ивановъ уже кое-гдѣ пристроилъ. Но, вѣчески прибѣдливаясь, онъ не можетъ отдавать помногу въ однѣ руки. И теперь онъ ухаживаетъ за Молодцыгинымъ, чтобъ, пользуясь его торговыми связями, найти себѣ подходящихъ „клиентовъ“. Но въ фамиллярности этого ухаживанья все же иногда прорывается „полковникъ“, еще недавно имѣвшій власть надъ „купцами“.

— Другъ мой, Иванъ Ѳедоровичъ, — ласково говоритъ онъ теперь Молодцыгину: — много я перевидалъ вашего брата, кушца и дѣльца — хорошихъ много, — но къ вамъ какъ-то вотъ сразу особое довѣріе почувствовалъ.

Молодцыгинъ лукаво прищурился:

— Обманетесь... Охъ, обманетесь!

Ивановъ потрепалъ его по плечу и его же тономъ, лукаво-шутливымъ, убѣжденно возразилъ:

— Шутите. Не проведете, нѣтъ-съ! Я человѣка сразу постигаю. Про меня, еще когда я въ полку служилъ, солдаты говорили: „Капитанъ Ивановъ на три аршина въ землю видить“. Да-съ. Не притворяйтесь, не обманете: вы человѣкъ добросовѣстный, искренній, и на ваше слово положиться можно.

Молодцыгинъ о чемъ-то вздохнулъ и почему-то точно съ сокрушеніемъ произнесъ:

— Весьма возможно, что и такъ... Мнѣ-то незамѣтно, а со стороны виднѣе. Вотъ и покойный мой хозяинъ Илья Максимовичъ этакъ же говорилъ.

— То-то же. Не назначилъ бы онъ васъ душеприказчикомъ, если бъ не былъ въ васъ увѣренъ. Человѣкъ-то, всѣ говорятъ, мудрый былъ.

Молодцыгинъ съ спокойнымъ достоинствомъ подтвердилъ:

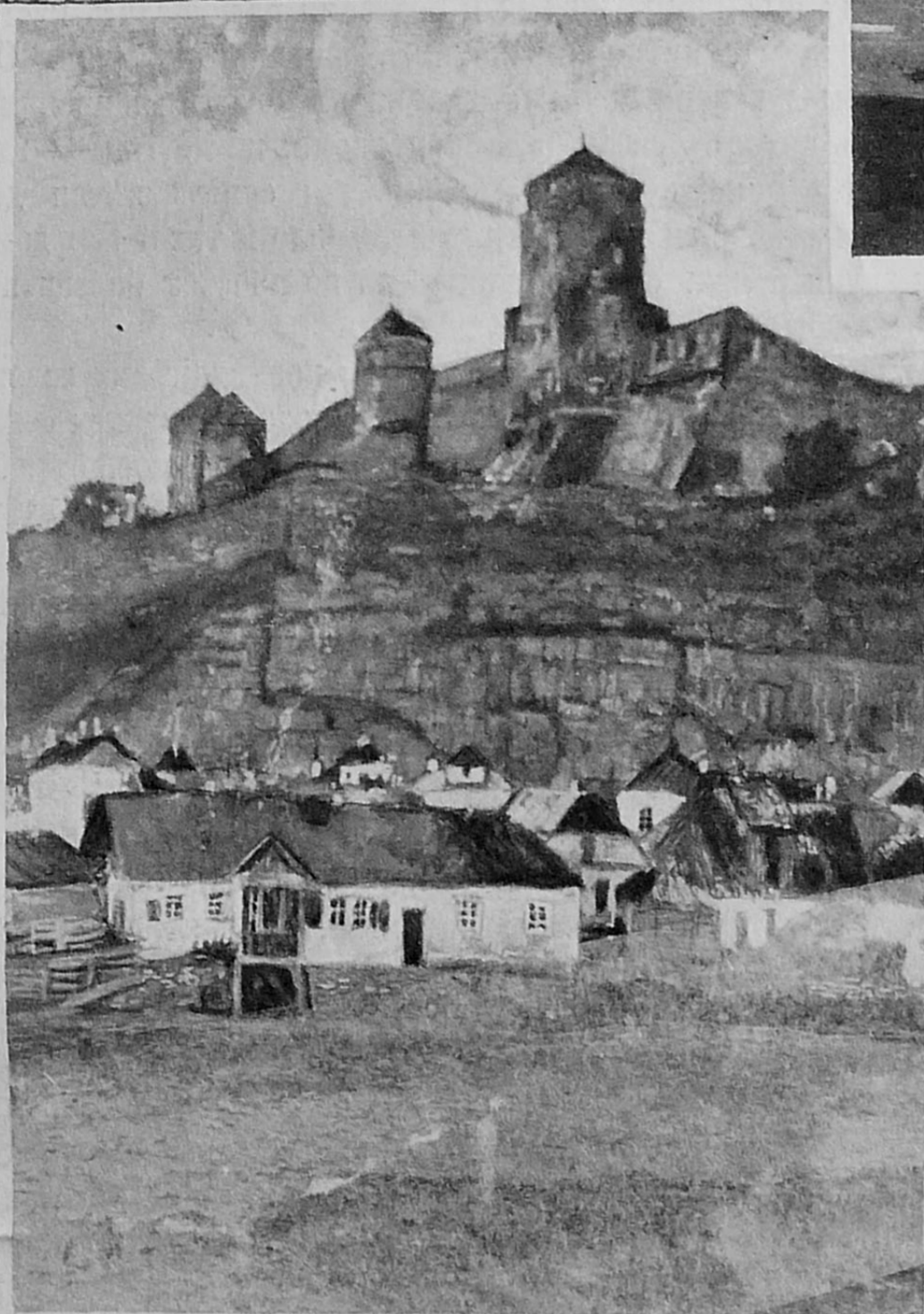
— Что говорить! Мудреный былъ покойникъ. Ужъ кого, бывало, захочетъ закрѣпостить — закрѣпостить. Ужъ чѣмъ ни на есть да обяжетъ.

— Вотъ поэтому-то я бы охотно всѣ свои деньжонки въ ваше дѣло и вложилъ: вѣрно, какъ въ Государственномъ банкѣ, а до-

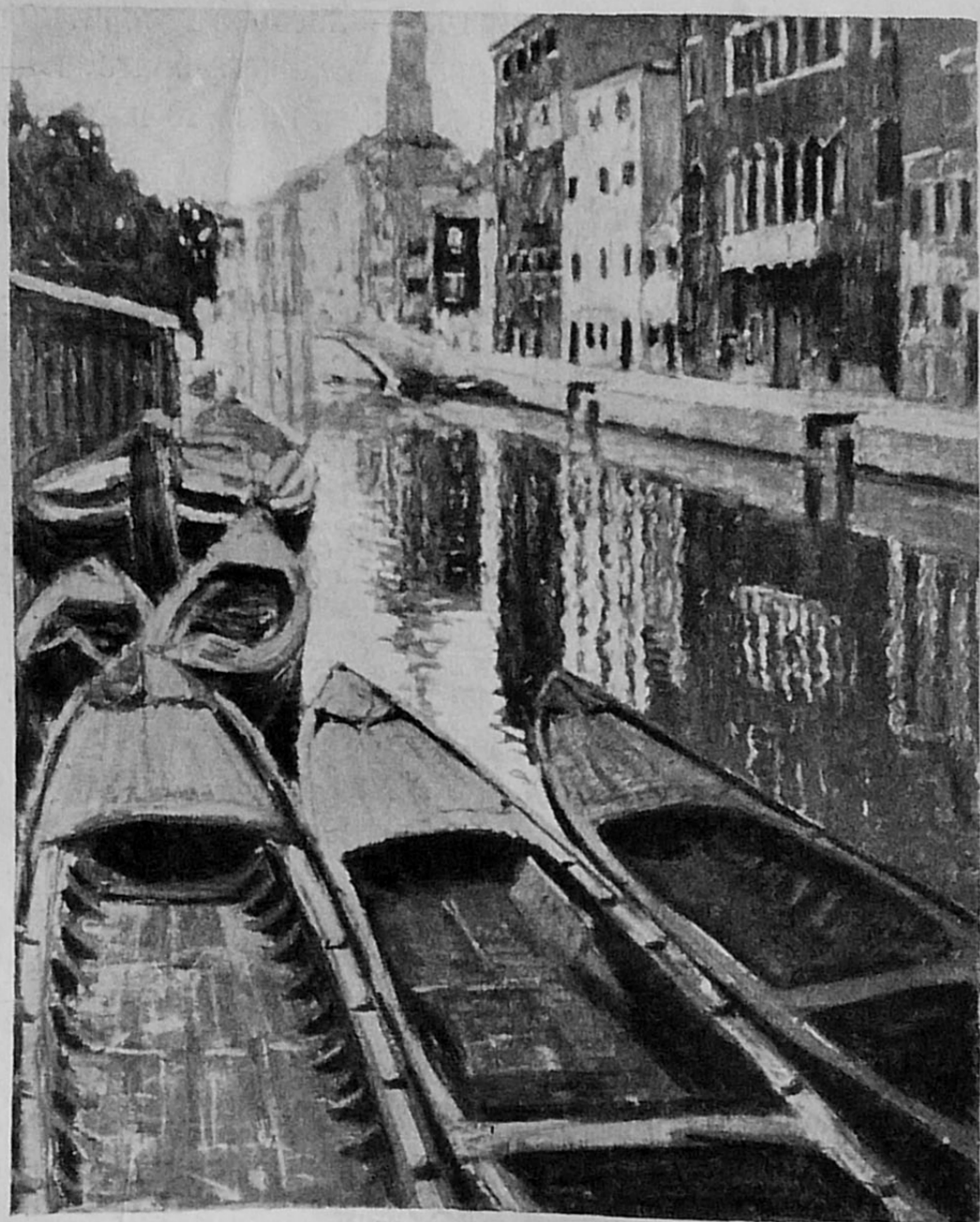
III ВЫСТАВКА
картин
ПОВАРИЩЕСТВА
„НЕЗАВИСИМЫХ“

А. Афанасьевъ. „Вѣдьплыли жъ поперекъ утки“. (Изъ стих. графа Ал. Толстого).

И. Сухановъ. Каменецъ-Подольскъ (Карвасары).

М. Демьяновъ. Венеціанскія барки.

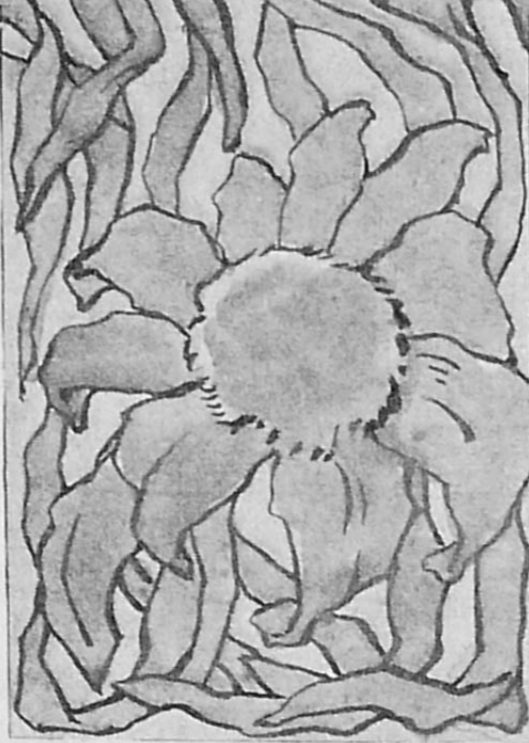
Е. Малешевская. Портретъ Н. Н. М.

И. Грабовскій. Въ мастерской.

А. Вахрамѣевъ. Рисунокъ.

А. Титовъ. Въ деревнѣ.

М. Соколовъ.
Портретъ Г-на В. О. С.

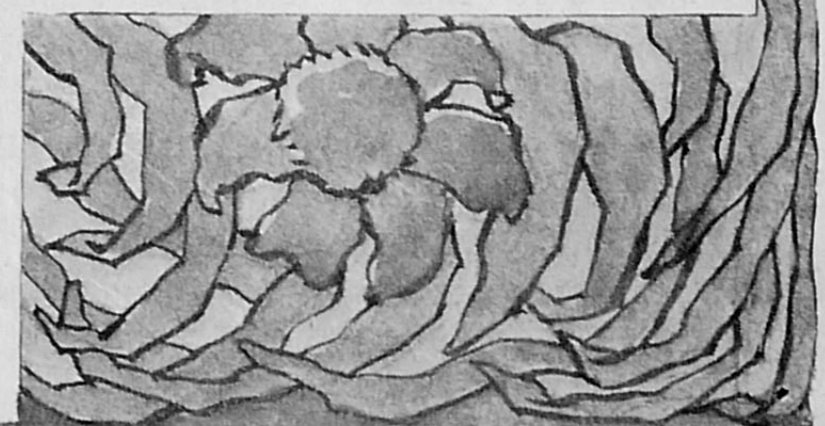
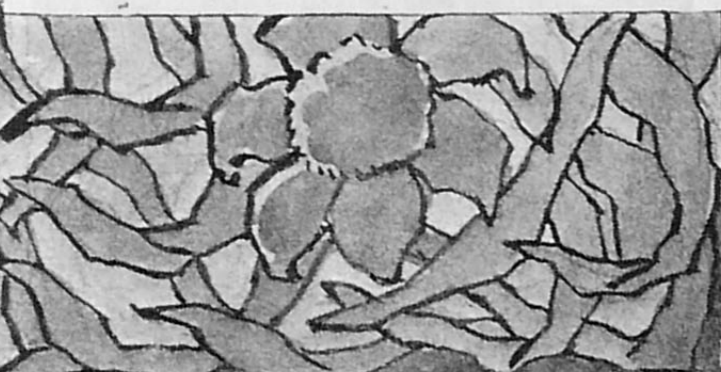
М. Бобышевъ. Портретъ Г-жи Д.

А. Любимовъ. Бандуристъ.

А. Любимовъ. Этюдъ.

ходы у васъ, слышно, анаоемскіе. Ну, что вамъ стоить дать мнѣ хорошенькій процентикъ.

— Не пользуемся, батюшка Павелъ Трофимовичъ, не пользуемся чужими—своихъ дѣвать некуда.

— Найдете мѣстечко моимъ тремъ тыщонкамъ. Помогите бѣдному инвалиду одобрить пенсію. Вѣрой-правдой служилъ царю-отечеству, выслужилъ немного... скопилъ гроши... а жизнь-то вонъ какъ вздорожала: мясо-то четвертакъ фунтъ.

— Двадцать шесть вчера мяснику платилъ, — съ неизмѣннымъ спокойствіемъ и достоинствомъ замѣтилъ съ своей стороны Иванъ Ѳедоровичъ.

И добродушно, чуть-чуть похлопавъ полковника по колѣнкѣ, добавилъ:

— Только все-таки намъ вашихъ тыщонокъ—ни трехъ ни сколько ихъ тамъ у васъ еще припрятано—не надо. А ужъ я, какъ общалъ вамъ, завтра въ конторѣ подыщу адресочки такихъ „надежныхъ рукъ“, гдѣ и тыщонки ваши не пропадутъ, и къ пенсіи вашей прибавочку заработаете.

Ивановъ отъ прикосновенія къ нему руки Молодцыгина сразу съѣжился и немного отодвинулся, точно чего-то испугался; но сейчасъ же оправился и суховато поблагодарилъ:

— Ну, и на этомъ спасибо. Поразмыслимъ и объ этомъ.

А Иванъ Ѳедоровичъ такъ же добродушно продолжалъ:

— А то вотъ: — недалеко ходить: я думаю и генералу Россину и Антону Сергѣевичу Пенинскому сколько угодно тыщонокъ понадобится можетъ—только предложите.

Ивановъ глубокомысленно сдвинулъ брови:

— Ну... генераль, это, знаете... мнѣ не очень... генераль... того... А Пенинскій—что такое? По какому случаю?

— Да вѣдь онъ, какъ архитекторъ, все большіе дома строитъ. Такъ вотъ теперь, кажется, напрактиковался, такъ собственный будто бы строить хочетъ—доходный.

Полковникъ насторожилъ уши:

— А!.. „Сіе дѣло треба разжувати“. Поразмыслимъ, поразмыслимъ!.. — И, опять впадая въ ласково-игривый тонъ, весело заговорилъ:—А то вотъ если бѣ, можетъ-быть, Владиміру Ильичу... на личные расходы... или хотя бы и Нинѣ Михайловнѣ... такъ я бы—безъ размышленія. Да-съ! Извольте!

Полковникъ посмотрѣлъ при этомъ на Молодцыгина такимъ лукавымъ и значительнымъ взглядомъ, какъ-будто хотѣлъ показать, что знаетъ какую-то тайну.

Но Иванъ Ѳедоровичъ только разсмѣялся:

— Да Богъ съ вами. Я думаю, они своимъ милліонамъ сами хозяева. Запрету нѣтъ...

Полковникъ уже совершенно серьезно сказалъ:

— А я слышалъ, что въ завѣщаніи сдѣланы какія-то ограниченія.

Молодцыгинъ дѣловымъ тономъ прервалъ его:

— А хотя бы и такъ. Да вѣдь имъ и ограниченнаго годового дохода не истратить. Они не мотушки. А захотятъ, такъ и всѣ ограниченія уничтожить могутъ. Про китаевское завѣщаніе тутъ дѣйствительно всякую ерунду досужіе языки плетутъ, чего и нѣтъ совсѣмъ.

— Да въ чемъ дѣло-то?

— А дѣло простое. Конечно, покойникъ, любя жену и сына, любилъ и свое дѣло и хотѣлъ, чтобъ оно не распалось отъ дѣлежа наслѣдства. Ну, и оставилъ завѣщаніе такъ: сыну—двѣ трети всего, женѣ—треть, пока наслѣдники живутъ вмѣстѣ и ведутъ дѣло сообща до женитьбы сына. А какъ женится Владиміръ Ильичъ—такъ могутъ и раздѣлиться, если кто-нибудь изъ нихъ пожелаетъ. И тогда сынъ долженъ выдѣлить матери всю ея третью часть сполна. Если же Нина Михайловна пожелаетъ раздѣла раньше или выйдетъ замужъ раньше, чѣмъ женится Володя, то ей выдѣляется только одна седьмая часть денежнаго капитала, а право на долю въ недвижимости и прибыляхъ торговаго дѣла она теряетъ. Вотъ и все.

Ивановъ, внимательно выслушавъ, высказалъ, не безъ ироніи, свое одобреніе:

— Да. Признаюсь — достаточно... достаточно мудро или мудро придумано... —И, лукаво прищуривъ одинъ глазъ, многозначительно посмотрѣлъ другимъ на Молодцыгина и рѣшительнымъ тономъ, точно отрѣзалъ, сказалъ:—Такъ-что, ежели кому-

нибудь изъ нихъ... тыщонки три понадобятся... такъ я съ удовольствіемъ...

VIII.

Подъ конецъ этого разговора музыка въ домѣ уже прекратилась, прошумѣли рукоплесканія, и на дорожкахъ цвѣтника появились вышедшіе изъ дома гулявшіе гости. Тутъ, кромѣ семьи Пенинскихъ и генерала Россина съ сестрой Агнесой Матвѣвной, съ дочерью и племянницей, были и служившіе у Китаевыхъ: лѣсничій, наблюдавшій за ихъ огромными лѣсами, и технологъ, завѣдывавшій новымъ китаевскимъ заводомъ древесной массы,—оба съ женами; были и пріѣзжіе: земскій докторъ, лѣсничій соседняго казеннаго лѣсничества и наконецъ земскій агрономъ, мужчина не разговорчивый, но обладавшій превосходнымъ голосомъ и готовившійся промѣнять поля и луга на подмостки оперной сцены. Было не очень людно, не шумно, но и не скучно, потому что никто не стѣснялъ другъ друга, всѣ чувствовали себя запросто, какъ дома.

Съ выходомъ въ садъ гостей, поднялись со своей скамейки и полковникъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ.

И, сейчасъ же отдѣлившись отъ другихъ, подошла къ полковнику его супруга Анна Яковлевна, дама полная, возраста средняго, обличья некрасиваго, но одѣта по-модному и не безъ вкуса. Обрадовалась мужу, точно вѣкъ его не видала:

— Ты вотъ гдѣ! А я-то думаю: куда вдругъ пропалъ? Сижу, какъ на иголкахъ; затерли меня тамъ между стульевъ, такъ что и выйти нельзя, а я беспокоюсь о тебѣ...

Ивановъ ласково улыбнулся, а Молодцыгинъ вступился за него:

— Да о чемъ же вамъ, сударыня, такъ беспокоиться? Намъ съ Павломъ Трофимовичемъ такъ около васъ тепленько показалось, мы на холодокъ и уединились. А вы изволите волноваться...

Полковница заботливо оглядѣла полковника:

— Одинъ вѣдь у меня мужъ-то.

Молодцыгинъ дружескимъ тономъ и очень серьезно поддалъ ей:

— Несомнѣнно. Но за цѣлость и сохранность его могу поручиться. Мы здѣсь хоть и кругомъ въ лѣсу живемъ...

Подошелъ Давидъ:

— Иванъ Ѳедоровичъ, васъ Нина Михайловна зачѣмъ-то къ себѣ просятъ.

Молодцыгинъ дружески кивнулъ головой супругамъ Ивановымъ и, не кончивъ фразы, пошелъ къ хозяйкѣ, сопровождаемый Давидомъ.

Полковница спокойно окинула взглядомъ землю вокругъ скамейки и спросила мужа:

— Вы не гуляли?

— Нѣтъ, все тутъ сидѣли.

— То-то. Цѣлы деньги-то?

И она пощупала мужа со стороны кармановъ и спины.

— Цѣлы, цѣлы, Анночка! Не бойся. Въ походахъ умѣлъ беречь, дома-то ужъ не выроню.

— Такъ-то—такъ. Да вотъ какъ зашью ихъ завтра опять подкладку, такъ и успокоюсь. Охъ, ужъ эти мнѣ парады да наряды! Давеча, какъ выпорола пакетъ-то изъ стараго жилета, такъ у меня сердце и упало. Точно вотъ сейчасъ ревизоры съ обыскомъ придутъ.

Полковникъ снисходительно улыбнулся. Но для успокоенія себя или просто уже по привычкѣ, заботливо спросилъ:

— А у тебя-то зашиты?

Анна Яковлевна, съ глубокимъ сознаниемъ своей аккуратности, удостоила ласково отвѣтить:

— Да я къ своимъ-то и не прикасалась. Такъ подъ это платье старую-то юбку и надѣла. Хожу вотъ только да по привычкѣ пощупываю: тутъ!

Пощупалъ женнины карманы и полковникъ.

Помолчавъ, Анна Яковлевна сказала:

— А что, Трофимычъ, не пошли ли домой?

— Что такъ?

— Да все какъ-то о домѣ беспокоюсь.

— Что жъ домъ—тамъ прислуга, да и учительница...

— Надѣйся! И Дарья, чего добраго, сюда къ дворнѣ удереть,

а ужъ учительница и прямо сказала: „Какъ луна поднимется, часовъ въ одиннадцать въ поле гулять уйду“. Я ей:—На кого же Митенька останется? А она говоритъ: „Я нанималась учить—не сторожить“. Я говорю:—Да вѣдь Дарья уснетъ и двери запереть, — а она говоритъ: „Ничего, я въ окно...“ Шлендра!

Полковникъ улыбнулся и покровительственно сказалъ:

— Молодому человѣку погулять хочется. При лунѣ-то...

— Защищай. Мало ли ей чего при лунѣ захочется. Не нравится она мнѣ. Не разговорчива, а вотъ давеча газету мнѣ суетъ: „Читали, говоритъ, что объ интендантахъ пишутъ?“ — Анна Яковлевна на минуту задумалась и сурово произнесла: — Безъ нея знаешь.— Потомъ, вставъ, рѣшительно сказала:—Пойдемъ-ка по-добру по-здорову. А то какъ засидимся, такъ крѣпко спать будемъ, чуткій сонъ потеряю. Боюсь.

Полковникъ безъ желанія, но и безъ протеста, согласился:

— Ну, что жъ, пойдемъ... Вонъ именинникъ. Простимся съ нимъ...

Володя шелъ имъ навстрѣчу, разговаривая съ Маней и Агнесой Матвѣвной.

Встрѣча съ полковничьей четой нарушила ихъ настроеніе. Съ худо скрытой неприязнью посмотрѣла на Ивановыхъ Агнеса Матвѣвна. Предоставивъ Володѣ, какъ хозяину, любезно прощаться съ ними и нѣсколько шаговъ проводить ихъ, Агнеса Матвѣвна сразу же отошла съ Маней въ сторону. И торопливо, чтобъ воспользоваться минутой, пока онѣ одни, говоритъ Манѣ:

— Сейчасъ же, сейчасъ же признавайся ему въ любви. Не мѣшкой ни минуты...

Маня относится къ этому предложенію или приказанію шутливо, но шутливо только потому, что не увѣрена въ успѣхѣ. Она боится играть въ эту „игру“ серьезно, чтобъ не обжечься, чтобъ не причинить нежданно и нечаянно боли своему сердцу. Она рада всякому случаю пококетничать, но безъ отвѣтственности за успѣхъ или неуспѣхъ. И поэтому теперь она съ игривой наивностью отвѣчаетъ матери:

— Но, мама, я не умѣю. Насъ этому-то какъ разъ и не учили.

— А, вздоръ! Этому учатся, какъ плавать: бросился въ воду и плавь—и поплывешь.

— А какъ на дно пойду?

— Не бойся. Здѣсь на мелкомъ мѣстѣ. А я, стоя на берегу, караулить буду. Изъ-за этого жениха стоитъ побарахтаться.

Маня дѣлаетъ видъ, что все еще колеблется:

— Мама, я не рѣшусь... Я не отказываюсь... Мнѣ Володя Китаевъ страшно нравится... Самъ по себѣ... Но мнѣ противна эта погоня за китаевскими милліонами. И Муза, и Елена Пенинская, и я... Я не сумѣю. Я въ гонкахъ не участвовала...

— Милая, не говори глупостей. Всѣ гонятся, потому что иначе нельзя. Спѣши занять первое мѣсто, пока не поздно. Локти разставь въ обѣ стороны и не пускай другихъ. Удобную минуту прозѣваешь, кухня Муза или другая перехватитъ. Я вотъ всячески стараюсь тебя съ нимъ наединѣ оставить, а Муза, вижу, такъ и рвется оттереть насъ. А ты все съ этимъ... съ Константиномъ Пенинскимъ. Я тебѣ говорю, не теряй дорогого времени.

— Мама, что жъ мнѣ дѣлать, когда Костя Пенинскій за мной ухаживаетъ?

— А ты въ сторону. Иначе останешься въ дуракахъ. Ты думаешь, я ихъ игру не вижу? Насквозь вижу. Ты думаешь, они не видятъ, что ты красивѣе всѣхъ тутъ? Онъ для сестры хлопочетъ. Тебя оттереть отъ Китаева, а Еленѣ дорогу очистить. Не воображай, что онъ на тебѣ женится. Поухаживать—отчего же. А жену ему надо съ деньгами.

И Агнеса Матвѣвна, на мгновеніе задумавшись, заговорила уже въ мягкомъ, сердечномъ тонѣ:

— Вотъ тутъ, съ Пенинскимъ, мѣсто глубокое. Тутъ ты плавать не учишь. Дѣла не выйдетъ, а пустыхъ сплетенъ—сколько угодно. А съ Володей если и сорвется, такъ не бѣда, если поговорятъ, что милліонеръ Китаевъ съ тобой флиртовалъ.

Маня шаловливо-мечтательно вздохнула:

— Ахъ, если бъ это было такъ!.. Но онъ просто только вѣжливъ, внимателенъ, любезенъ и... больше ничего. И когда я подумаю, что надо начинать самой... Ахъ, зачѣмъ вы отдали меня въ институтъ, а не въ какую-нибудь частную гимназію!..

По лицу Агнесы Матвѣвны пробѣжала ироническая улыбка:

— Ну, милая, я по себѣ знаю, что у васъ тамъ въ институтахъ говорится...

Маня съ напускной серьезностью возразила:

— Мама, то все только теорія. Не было практическихъ занятій. А я-то еще должна была быть примѣрной, чтобъ заслуживать стипендію. Теперь и переучивайся.

— Ну, онъ идетъ,—быстро прервала ее мать. — А вонъ уже и Муза. Пользуйся тѣмъ, что я сейчасъ наговорила ему кучу комплиментовъ о его талантахъ, и придумывай, что знаешь...

IX.

Володя, распростившись съ Ивановыми, шелъ къ оставленнымъ имъ дамамъ и, приближаясь, говорилъ:

— Извиняюсь... Долженъ былъ сказать нѣсколько успокоительныхъ словъ полковницѣ, боящейся ночныхъ воровъ. У насъ вѣдь вездѣ сторожа...

Агнеса Матвѣвна сдѣлала презрительную гримасу.

— Интендантша навѣрное деньги въ чулкѣ носитъ, вотъ и боится. Мы вотъ съ Маней ничего на свѣтѣ не боимся.—И вдругъ, точно испугавшись, воскликнула:—Ахъ, теперь я васъ на минутку оставлю: вонъ идетъ Муза; я весь вечеръ ее ловлю, чтобъ сказать ей пару словъ.

И, незамѣтно бросивъ дочери выразительный взглядъ, быстро пошла навстрѣчу Музѣ, издали подходившей сюда въ сопровожденіи Коти.

Володя у скамейки предложилъ Манѣ:

— Сядемте...

Маня посмотрѣла на него нѣжнымъ взглядомъ и сдѣлала нервный жестъ рукой, точно отгоняя какую-то мысль:

— Нѣтъ, нѣтъ... Мнѣ не усидѣть... Лучше походимъ тутъ... Я такъ взволнована...

Володя съ недоумѣніемъ пошелъ рядомъ съ нею и ласково спросилъ:

— Что съ вами?.. Сейчасъ вы все молчали... Что же случилось?..

Маня, потушивъ взглядъ, тихо произнесла:

— Что случилось?.. То, что сейчасъ вамъ высказывала тамап: вашъ дивный ноктюрнъ... ваша игра... и...

— И?

— И вы.

— Я?.. Чѣмъ я...

Маня, точно боясь вдругъ струсить, заговорила быстро, нервно:

— Не удивляйтесь... Я не рѣшилась бы сказать этого при тамап... при другихъ... Но вы должны понять меня, Владиміръ Ильичъ... какъ я поняла васъ... вашу душу... Музыка говоритъ иногда больше словъ. Когда я слушала, какъ пѣли струны рояля отъ прикосновенія вашихъ нервныхъ рукъ къ нѣмымъ косточкамъ клавишей, я почувствовала въ вашей душѣ ту частицу „Ж“, которой нехватаетъ въ моей женской душѣ... И вотъ я... Мнѣ кажется... я нашла въ себѣ ту частицу „М“, которую нужно соединить съ вашей душой, чтобъ получилась гармонія двухъ полныхъ „М“ и „Ж“. Да... мнѣ кажется, что вы, какъ композиторъ, именно это и хотѣли сказать вашимъ ноктюрномъ. Что вы смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ? Я угадала—да?

Маня смотрѣла теперь на Володю уже смѣлымъ, открытымъ и оттого еще болѣе нѣжнымъ взглядомъ и говорила:

— Согласитесь, вѣдь въ моей душѣ должна быть частица настоящего *мужества*, чтобъ сказать это?.. И я не ошиблась: по вашимъ глазамъ я вижу, что мои слова заставили вибрировать въ вашей душѣ струны частицы женственности, которую я открыла въ ней.

Володя, немножко растерявшись, могъ въ первое мгновеніе только почти безучастно спросить:

— Такъ вы Вейнингера-то читали?

Маня равнодушно выразила недоумѣніе:

— Какой Вейнингеръ?

— Какъ какой?.. Вѣдь вы же сейчасъ говорите объ „М“ и „Ж“,—о мужскомъ и женскомъ элементахъ въ душѣ человѣка. По Вейнингеру?

— Ахъ, да! Можетъ-быть. Кажется, читала...

— Позвольте, это нелегкій трудъ прочесть его книжицу.

Но Маню ничуть не интересовали въ эту минуту ни книги ни

Г. Оберъ. Милосердный самарянинъ.

какой-то тамъ Вейнингеръ, и, въ пренебреженіи къ нимъ, она спѣшила дать прочесть Володѣ то, что было написано въ ея собственной душѣ, и быстро продолжала говорить:

— Ахъ, я въ послѣднее время такъ много читала... все моднее... Немудрено и забыть, гдѣ я объ этомъ читала... И не все ли вамъ равно... Но вы должны понять меня... Я вовсе не поклонница модныхъ теорій... Не смѣйтесь надъ институтскимъ воспитаніемъ... Я люблю его. Меня не нужно было приучать къ скромности. Я всегда была скромна.

Къ Володѣ теперь уже вернулась его увѣренность; въ тонѣ его рѣчи, изысканно любезной, уже зазвучала скрытая иронія, и едва уловимой насмѣшкой были его слова, когда онъ, на декламацию Мани о „скромности“, смѣло сказалъ:

— Вотъ и я тоже. Скромность—это то, что я всегда больше всего цѣнила въ женщинѣ.

А Маня, увлеченная въ глубокое мѣсто, уже наивно ластилась къ нему:

— Это такъ драгоценно въ семейной жизни...

И онъ, забавляясь, беспощадно топилъ ее, говоря:

— Вотъ именно!.. Въ особенностяхъ для меня. Та часть „Ж“, которую вы такъ проникательно открыли въ моей душѣ, большая. У меня есть не только женскія или женственные достоинства, но и женскія слабости въ характерѣ.

Маня замѣтила въ это время приближавшуюся соперницу-кузину и страстнымъ тономъ, но быстро-быстро сказала:

— Слушайте, Владиміръ Ильичъ, сюда идутъ, а мнѣ надо сказать вамъ такъ много-много. Назначьте мнѣ свиданіе...

— Когда?

— Сейчасъ же, сегодня же вечеромъ.

Володя, не задумываясь, серьезно отвѣтилъ:

— Хорошо. Вотъ какъ только кончатъ пѣть нашъ агрономъ, — видѣли, ходилъ тутъ одиноко по цвѣтнику, этотъ черный, усатый? Я обѣщала ему аккомпанировать. Потомъ будутъ накрывать ужинъ, я въ это время и приду. Вы ждите.

— Приходите къ скамеечкѣ подъ лиственницей.

Володя, съ мгновеніемъ раздумья, сказалъ:

— Нѣтъ, знаете, лучше ужъ по этой же дорожкѣ подальше, къ скамейкѣ у пруда.

Маня весело шепнула ему:

— Хорошо!.. Если увидите русалку, не думайте, что это я...

Пока они такъ говорили, Агнесѣ Матвѣевнѣ удалось остановить подвигавшихся къ нимъ Музу съ Котей, и подъ предлогомъ, что сама идетъ въ домъ, она задерживала ихъ своими разговорами. Какъ Муза ни порывалась впередъ, Агнеса Матвѣевна съ невиннымъ видомъ ласково держала ее за руку и все говорила-говорила. Наконецъ пришлось-таки уступить и самой уйти съ позиціи. И Муза и Котя подошли къ Володѣ съ Маней, а Агнеса Матвѣевна направилась къ Нинѣ Михайловнѣ, гулявшей по цвѣтнику въ обществѣ генерала и Молодцыгина, въ то время, какъ Пенинскій здѣсь же велъ бесѣду съ лѣсничимъ, а Лена разсѣянно слушала комплименты уѣзднаго доктора.

Муза, какъ подошла къ Володѣ, сразу же завладѣла имъ:

— Дорогой именинникъ, вы не можете проводить сегодня все время съ какой-нибудь одной избранницей, будь это даже моя милая кузина! Вы должны принадлежать всѣмъ, и такъ какъ я во весь вечеръ не сказала съ вами десяти словъ, то сейчасъ вы мой.

Володя съ любезной улыбкой поклонился ей, посмотрѣлъ на часы и сказалъ очень серьезно:

— Совершенно вѣрно. И у меня по расчету времени тоже такъ выходило...

— Это зло,—обидѣлась Муза

Володя съ необычайной ласковостью возразилъ:

— Напротивъ совсѣмъ добродушно.

— Вы избалованы.

— Чѣмъ?

— Всеобщимъ вниманіемъ.

— Я же и виноватъ?

— Не хорошо, когда мужчина дѣлается кокеткой.

— Часъ отъ часу не легче.

— Не отдѣлывайтесь. А сдѣлайте-ка шагъ ко мнѣ. Поближе. Еще. Вотъ такъ. Замѣтите, какъ легко мы разъединились съ Кон-

стантиномъ Антоновичемъ, какъ только подошли къ нашимъ магнитамъ. Видите,—онъ сразу же повернулся ко мнѣ спиной и, конечно, назначаетъ Манѣ свиданье. Отойдете же и мы еще немного въ сторону, чтобъ не мѣшать имъ. Я вижу, милая кузина мечетъ на меня ревнивые взоры уже только за то, что ея Костя сейчасъ немного поговорилъ со мною.

Володя сдѣлалъ простодушно-удивленное лицо:

— Развѣ она равнодушна къ Котѣ?

Муза разсмѣялась и увѣренно отвѣтила:

— Во снѣ имъ бредить.—Но сейчасъ же, точно спохватилась, тихо сказала:—Что я дѣлаю—выдаю ея тайну! Вы меня не выдайте, что я сказала!

Володя съ усмѣшкой спокойно отвѣтилъ:

— По своему купеческому званію воспитался въ страхѣ „коммерческой тайны“ и привыкъ хранить всякую.

— Тѣмъ лучше. Значитъ, я могу безобоязненно довѣрить вамъ и свою?

— Безъ колебаній.

— Я люблю васъ. Вы удивлены? Вы смущены?

Володя развелъ руками:

— Такъ это просто...

— Все прекрасное всегда просто.

— Да... но...

— Вы влюблены не въ меня?

— Я этого не сказалъ...

— Стало-быть, это ваша коммерческая тайна?

— Можетъ-быть...

— Дайте мнѣ въ ней долю—я буду хранить вашу тайну, какъ и вы.

Володя съ многозначительной улыбкой и шутливой робостью отвѣтилъ:

— Видите ли... насчетъ всякой коммерческой тайны... я долженъ поговорить съ маменькой.

Муза спокойно и рѣшительно сказала:

— Поговорите. Только не съ моимъ папенькой.

— Нѣтъ... это зачѣмъ же...

— Мой папенька—черносотенецъ и генералъ, а я—кадетка и по убѣжденіямъ и по рѣзвости моихъ мыслей и дѣйствій. Вѣдь и вы кадетъ?

— Я изъ купцовъ.

— Не ломайтесь. Мы съ вами—молодежь, новое поколѣніе, мы должны быть передовыми. Не правѣе кадетовъ.

Володя утвердительно кивнулъ головой:

— Ну еще бы!

А Муза продолжала веселымъ, игривымъ тономъ, но въ которомъ все-таки слышалось, что она совсѣмъ не въ шутку высказываетъ свои мысли:

— Я терпѣть не могу политики; и что они тамъ говорятъ въ Думѣ, меня совсѣмъ не интересуетъ. Я принимаю кадетскую программу только въ смыслѣ свободы въ нашихъ общественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ... Мой папенька—да, можетъ-быть, и ваша маменька—только ахнули бы, услыхавъ, что я первая призналась вамъ въ любви. А вы скажите,—развѣ это вамъ не импонируетъ?

Володя отвѣчалъ ей такъ же весело и какъ-будто искренно:

— И какъ еще!

— Ну, подумайте, зачѣмъ я буду таить свои чувства отъ васъ, когда мнѣ нужно, чтобъ вы ихъ знали.

— Несомнѣнно.

— Я не вѣрю, чтобъ скромность когда-нибудь имѣла успѣхъ. А въ наше время и подавно.

— Я всегда мечталъ, чтобъ моя жена была человѣкъ смѣлый, врямой.

— Вотъ именно. Такъ-что вы принимаете мое предложеніе руки и сердца?

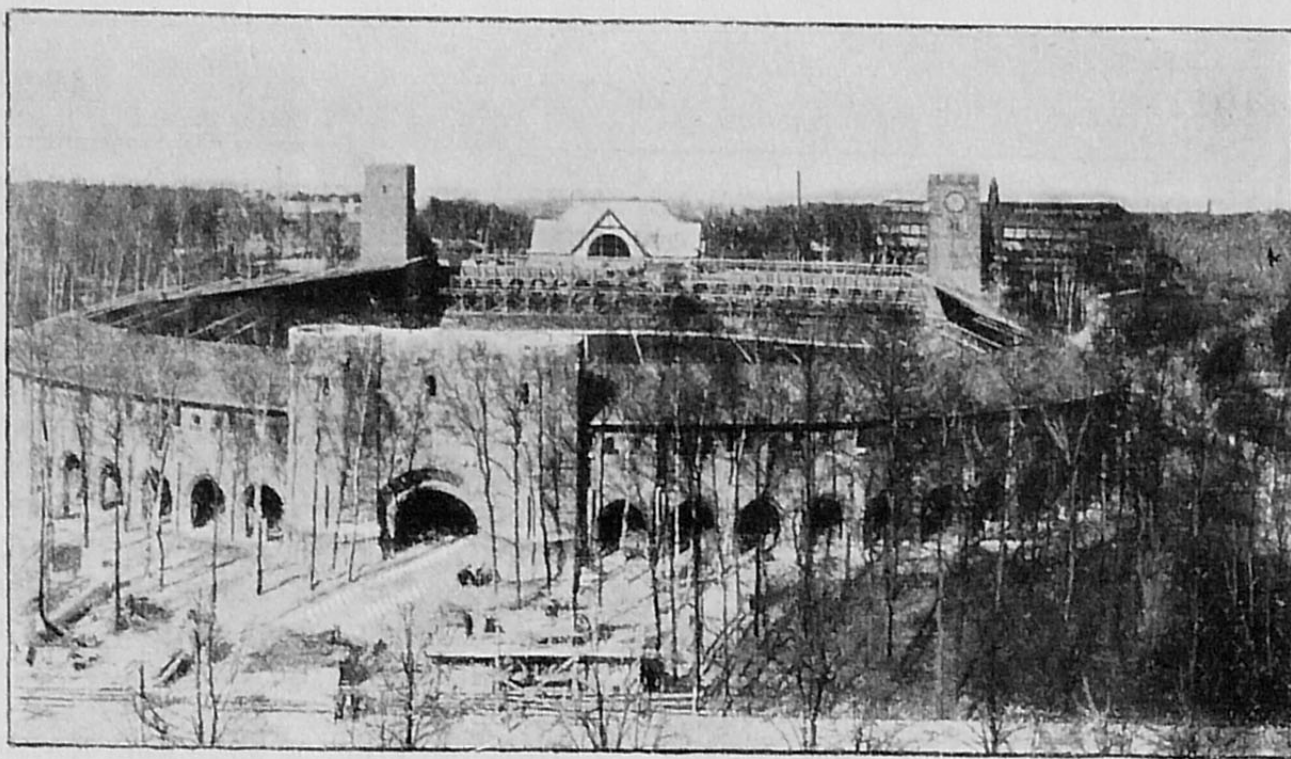
— Я не сказалъ этого...

— Ахъ, да. Вѣдь вамъ еще надо переговорить съ маменькой.

— И... кромѣ того, немножко провѣрить наши взаимныя чувства.

— Мое я уже провѣрила.

— А вдругъ вы съ такой же смѣлостью скажете завтра: „я люблю другого“?

Общій видъ сооружаемаго стадіона.

Внутренній видъ стадіона.

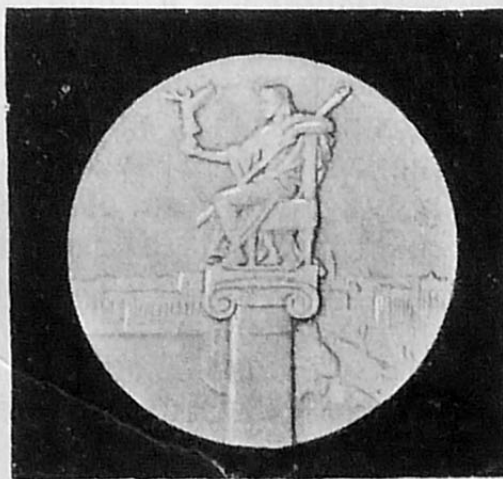
Переходящій призъ имени графини де-Каза Миранда (рожденной Христины Нильсонъ, известной шведской пѣвицы).

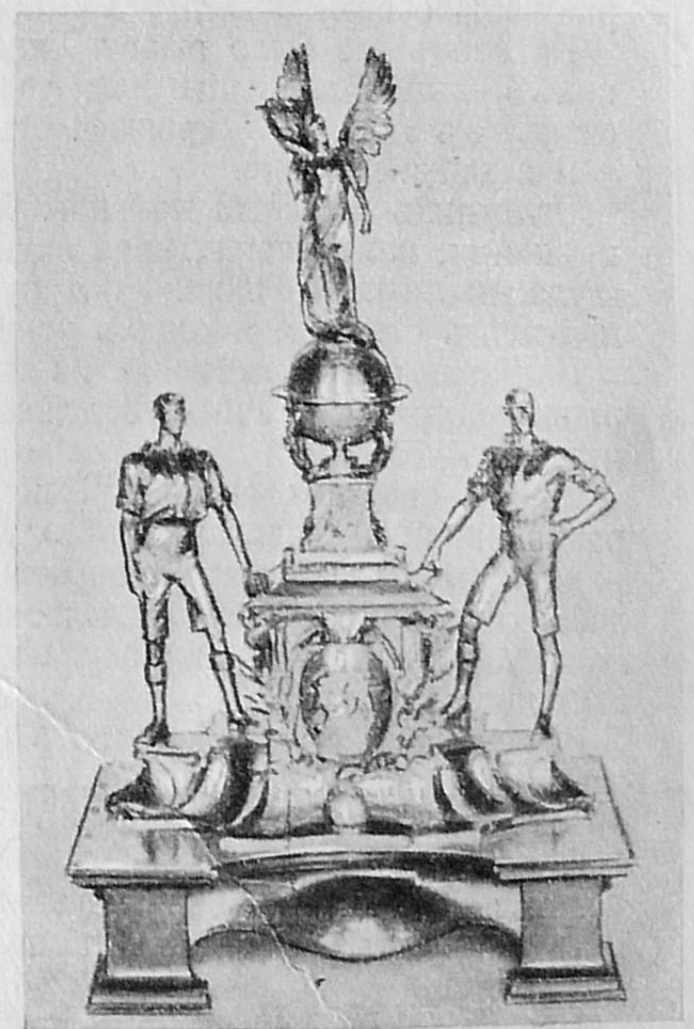
Переходящій призъ имени президента Французской республики.

Переходящій призъ барона Пьера де-Курбертена, инициатора Олимпійскихъ игръ, присуждаемый побѣдителю въ пятиборьѣ.

Медаль, учрежденная въ память Олимпійскихъ игръ.

Переходящій призъ „Англійской футбольной ассоціаціи“, присуждаемый командѣ-побѣдительницѣ въ состязаніи въ футболъ.

Олимпійскія игры. 5-я Олимпиада въ Стокгольмѣ. (Съ 16 іюня по 13 іюля с. г.).

Императрица Елисавета. Работы Каравакка.
(Собственность Пажескаго корпуса).

Ломоносовъ.

Императрица Елисавета. Мозаика. Типъ Каравакка.
(Собственность Зимняго Дворца).

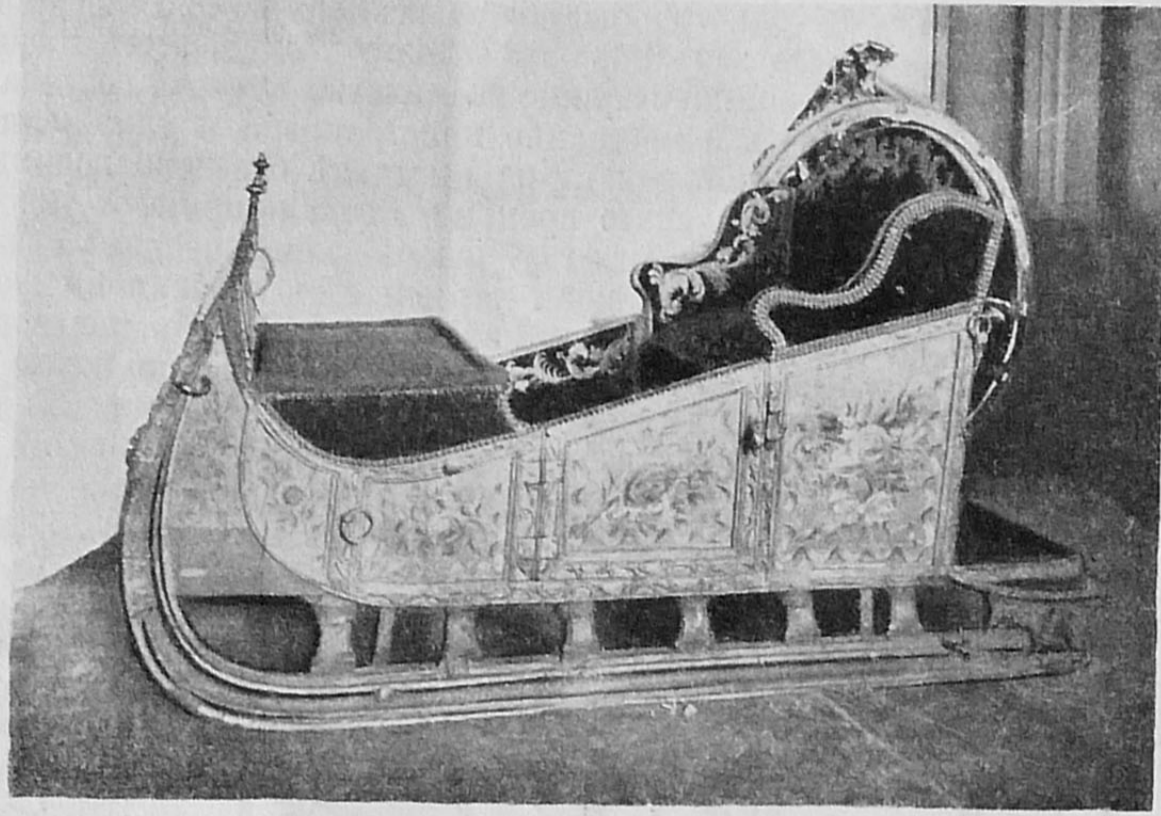

„Отецъ, російскаго краснорѣчія, безсмертный Ломоносовъ, показавъ въ Россіи первые опыты искусства мозаическаго. Сей драгоценный памятникъ трудовъ его принесенъ въ даръ университету господиномъ коллежскимъ совѣтникомъ почетнымъ училищъ смотрителемъ Яковомъ Евграфовичемъ Арсеньевымъ 1824 года Августа 30 дня.“

Графъ М. И. Воронцовъ.
Мозаика.

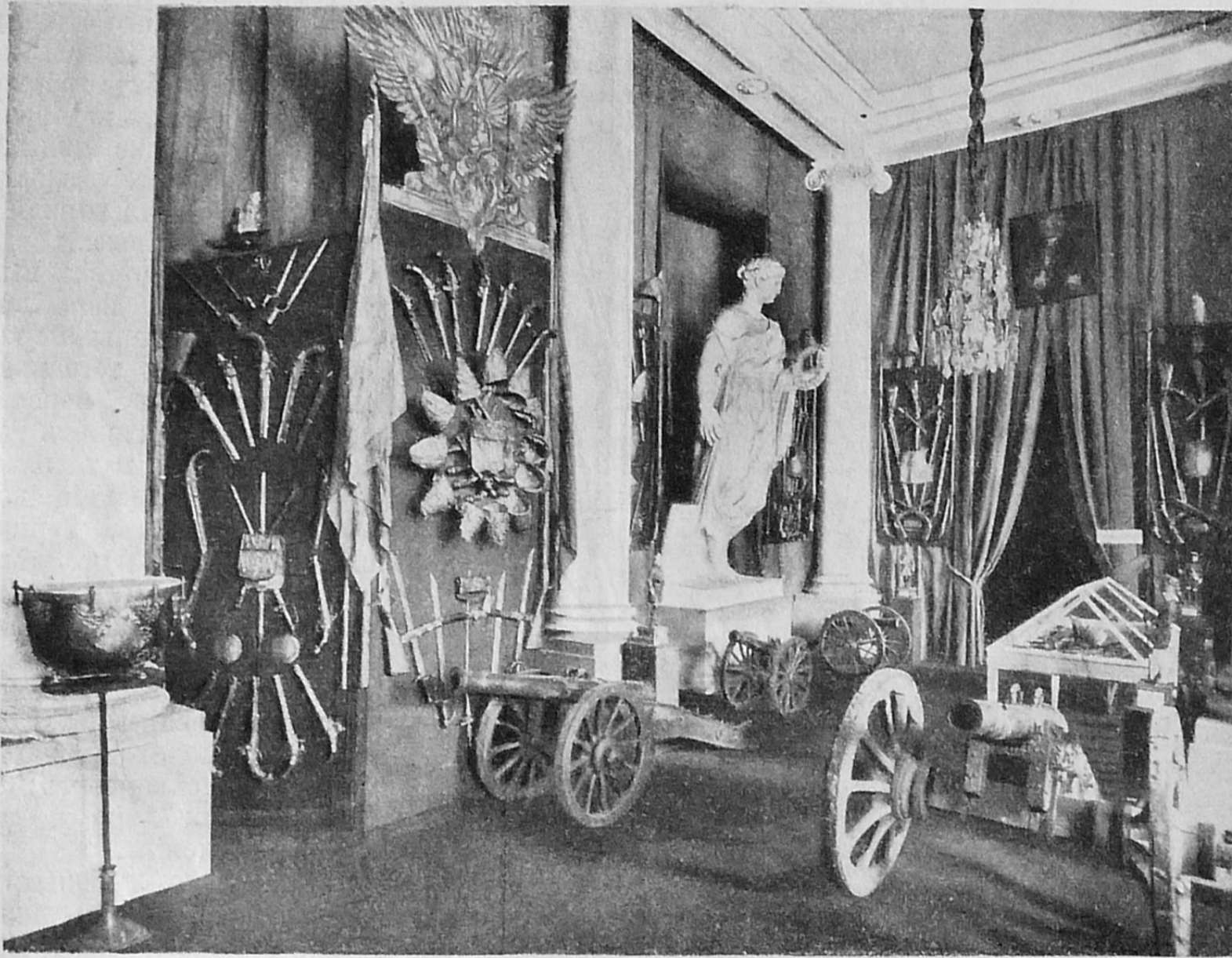
Выставка „Ломоносовъ и Елисаветинское время“ въ Императорской Академіи Художествъ.

Сани Императрицы Елисаветы Петровны.

Канделябръ время Императрицы Елисаветы Петровны.

Артиллерійскій отдѣлъ.

Формы обмундированія время Императрицы Елисаветы Петровны.

Коронаціонное кресло Императрицы Елисаветы Петровны.

Памятникъ графинѣ Гессенъ-Гомбургской, рожд. кн. Трубецкой. Работа Пажу (собств. Акад. Художествъ).

Плащаница елисаветинскаго времени, доставленная изъ Сампсоніевскаго собора.

Елисаветинская эпоха и Ломоносовъ.

(Съ 12 рис. на стр. 398 и 399).

Въ стѣнахъ Академіи Художествъ открылась чрезвычайно интересная выставка, знакомящая насъ съ цѣлой эпохой — съ тѣмъ временемъ, когда обновленная Петромъ Великимъ Россія начала завоевывать себѣ военную славу и мирное процвѣтаніе. Эта эпоха — періодъ царствованія императрицы Елисаветы Петровны и вмѣстѣ съ тѣмъ періодъ возникновенія русской научной мысли и русскаго гениальнаго творчества, воплотившагося въ замѣчательномъ русскомъ человѣкѣ и сподвижникѣ императрицы Елисаветы, Михаилѣ Васильевичѣ Ломоносовѣ...

Двѣнадцать отдѣловъ выставки, размѣщенные въ великолѣпныхъ и декорированныхъ въ стилѣ того времени залахъ Академіи, даютъ яркую и пышную картину елисаветинскаго царствованія. Устроители выставки собрали здѣсь громадную коллекцію историческихъ реликвій, начиная отъ портретовъ императрицы Елисаветы, ея трона и ея парадной кареты и кончая предметами тогдашняго обиходнаго быта, видами тогдашнихъ русскихъ городовъ, портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей того времени и безчисленными рукописями, грамотами и книгами елисаветинскаго времени...

Предъ зрителемъ возстаетъ шумный и блестящій вѣкъ Елисаветы — вѣкъ военной славы, пышныхъ придворныхъ увеселеній и изящнаго строительства и вѣкъ зарождавшейся на этомъ красивомъ и яркомъ фонѣ русской науки и государственности. Съ одной стороны, невольно бросается въ глаза нѣсколько легкомысленный характеръ этой эпохи, съ ея безконечными увеселеніями и фейерверками и маскарадами и съ 11.000 платьевъ императрицы; а съ другой стороны, нельзя не преклониться предъ наглядно выраженной и еще болѣе бросающейся въ глаза потребностью той эпохи въ образованіи, въ знаніи, — во всякомъ знаніи, и теоретическомъ и прикладномъ, и въ наукахъ высшаго порядка, и въ военныхъ экзерциціяхъ, и въ морскомъ строительствѣ и плаваніи. Громадное количество всевозможныхъ руководствъ и учебниковъ, собранныхъ на выставкѣ, поражаетъ своимъ разнообразіемъ и строгой солидностью своего содержанія. Видно, что люди тогда учились не для диплома, а для дѣла... Ломоносовская наука представлена на выставкѣ съ почти исчерпывающей полнотой. Недаромъ Пушкинъ называлъ Ломоносова „нашимъ первымъ университетомъ“...

Сама императрица представлена на выставкѣ прекрасными портретами работы художниковъ Вишнякова, Каравака, Ванъ-Лео, Токкэ, Ротари и др. Есть портреты, изображающіе ее въ дѣтскомъ возрастѣ, затѣмъ въ отрочествѣ (прекрасный совмѣстный портретъ императрицы Елисаветы съ ея сестрой, царевной Анной Петровной). Наконецъ имѣются и конные портреты императрицы въ любимомъ ею мужскомъ костюмѣ. Лучшимъ портретомъ считается портретъ работы Токкэ.

Изъ обстановки, окружавшей императрицу, на выставкѣ имѣются кое-какія ея личныя вещи: табакерка, любимыя миниатюры, охотничье ружье, шапка, платье (одно изъ знаменитыхъ 11.000 платьевъ...) Особое вниманіе посѣтителя останавливаютъ великолѣпная карета императрицы Елисаветы (въ вестибюлѣ выставки), ея сани и коронаціонное кресло. Карета производитъ впечатлѣніе настоящаго художественнаго произведенія: она вся позолоченная, съ дивной живописью и тонкой рѣзбой. Менѣе эффектны сани императрицы и ея тронъ, — эти реликвіи сильно тронуты временемъ, потускнѣли, поблекли... Блестящій вѣкъ отлетѣлъ отъ нихъ.

Къ елисаветинской обстановкѣ слѣдуетъ отнести и декоративное убранство выставочныхъ залъ. Оно воспроизводитъ нѣкоторыя изъ залъ Царекосельскаго дворца, этого любимаго мѣстопробыванія императрицы Елисаветы, которая создала Царекосельскій дворецъ и постоянно пристраивала и украшала его...

Много мѣста на выставкѣ отведено военнымъ реликвіямъ елисаветинскаго времени. Вотъ, на примѣръ, изобрѣтенная гр. П. И. Шуваловымъ гаубица съ эллиптическимъ сѣзмомъ камеры. Пушка эта, стрѣлявшая картечью съ особенной силой, сыграла большую роль въ семилѣтней войнѣ. Способъ пользованія ею составлялъ государственный секретъ, и за обнаруженіе его виновнымъ грозила смертная казнь... Не менѣе интересна двустольная пушка, стрѣлявшая двумя, связанными одна съ другой, желѣзными палками.

Въ военномъ отдѣлѣ обращаютъ далѣе на себя вниманіе орудія, отвоеванныя у шведовъ и нѣмцевъ. Здѣсь же выставлены и интересные манекены лейбъ-кампанцевъ, съ помощью которыхъ, какъ извѣстно, императрица Елисавета взшла на тронъ. Цѣлый

рядъ руководствъ и учебниковъ знакомитъ насъ съ теоретической постановкой военнаго дѣла при Елисаветѣ. Здѣсь много курьезнаго: на примѣръ, способы опредѣленія „доброй“ и „худой“ селитры при изготовленіи пороха: „возми на языкъ мало селитры, и буде горька и солоновата, тогда недобра. Но буде на языкѣ явитца остра со вкусомъ сладостнымъ и холодновата, то знаки суть селитры добрыя...“

Въ морскомъ отдѣлѣ выставлены модели кораблей и шкунъ, манекены моряковъ въ формахъ того времени, старинные морскіе инструменты, квадрантъ Дэвиса, градштокъ и т. п. и громадная коллекція корабельныхъ картъ, журналовъ, руководствъ и пр. Здѣсь же развѣшаны портреты морскихъ дѣятелей елисаветинскаго времени: Капкина, Мордвинова, кн. Голицына, Чичагова и другихъ; тогдашніе мореходы наши плавали по сѣвернымъ морямъ, огибали Азію и доходили до Японіи...

Чрезвычайно любопытны выставленные въ верхнихъ залахъ выставки виды Петербурга и Москвы въ описываемую эпоху и виды нѣкоторыхъ провинціальныхъ городовъ. Насколько пышенъ тогда былъ Петербургъ съ его зимними и лѣтними, новыми и старыми дворцами, „маскарадными домами“ и „театрами“, настолько была бѣдна и убога провинція.

Особое мѣсто на выставкѣ занимаетъ театральнй от-

дѣлъ. Въ елисаветинскую эпоху впервые появился нашъ собственный русскій театръ, и Елисавета Петровна страстно любила театральныя представленія. Существуетъ разсказъ о томъ, какъ однажды ее „угощали представленіемъ“ учащіеся въ одномъ высшемъ духовномъ заведеніи, которое императрица осчастливила своимъ посѣщеніемъ. „Настоятель заведенія, вымышляя всѣ роды отличнаго угощенія, приказалъ семинаристамъ повеселить государыню театромъ“. Государыня охотно согласилась посмотреть „сіе зрѣлище“, и семинаристы начали играть. Проходитъ часъ, два, три, наконецъ четыре часа, — представленіе все продолжается... Государыня спрашиваетъ: „Скоро ли пѣса кончится?..“ „Управляющій“ отвѣчаетъ: „У насъ, Ваше Величество, представленія заготовлено на трое сутокъ, и мы не перестанемъ играть, доколѣ не прикажете“..

На описываемой выставкѣ имѣются портреты первыхъ русскихъ театральнхъ дѣятелей — Волкова и Дмитревскаго, рукописи Сумарокова, планы театровъ и т. п. Немалый интересъ представляютъ выставленные тамъ музыкальные рога. Роговая музыка въ тѣ времена пользовалась особыми симпатіями, и однимъ изъ тогдашнихъ „пѣтовъ“ было даже сочинено восторженное стихотвореніе „на изобрѣтеніе роговой музыки“...

Графъ С. С. Татищевъ, вновь назначенный начальникомъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати. По фот. Вальмана въ Саратовѣ.

Въ концѣ длинной анфилады академическихъ залъ, въ угловой Екатерининской залѣ, устроена „комната Ломоносова“...

Здѣсь собрано все, что можно было собрать изъ реликвій, относящихся къ памяти великаго русскаго ученаго и поэта. „Быстрый разумъ“ русскій „Ньютонъ“ представленъ здѣсь громаднымъ количествомъ портретовъ. Средину залы занимаютъ научные инструменты, принадлежавшіе Ломоносову: телескопъ, астролябія и пр. Здѣсь же выставленъ великолѣпный металлическій глобусъ, поднесенный Академіей Наукъ императрицѣ Елисаветѣ.

Особый интересъ представляютъ рукописи Ломоносова, его корректуры, его прошенія и дѣловыя бумаги, а также и первыя по времени изданія его сочиненія.

Здѣсь имѣется и паспортъ, выданный Ломоносову изъ Марбургскаго университета, и его рапортъ изъ Марбурга въ Академію объ израсходованіи денегъ, и тутъ же первый стихотворный опытъ — „Ода на взятіе Хотина“, — великій литературный памятникъ, съ котораго началась исторія новой русской словесности. Въ уголкѣ витрины скромно пріотились простенькіе часы „луковичей“ — часы Ломоносова.

А далѣе рукопись: „О, ты, что въ горести напрасно на Бога рощешь. чловѣкъ“... Затѣмъ отрывокъ изъ грамматики: „О глаголъ“ (тоже рукопись). „Глаголы раздѣляются на первообразные и производные“. Еще далѣе — „Планъ лекцій при университетѣ“, — планъ, къ сожалѣнію, не осуществленный. А вотъ и памятникъ того бѣдственнаго положенія, въ которомъ слишкомъ часто оказывался великій русскій ученый: Ломоносовъ „нижайше“ доноситъ Академіи, что ему не выдаютъ жалованья: „Почти за цѣлый годъ я, нижайшій, жалованья изъ Академіи не получалъ и оттого пришелъ въ крайнюю скудость. А нынѣ я, нижайшій, нахожусь боленъ и притомъ не токмо лекарствъ, но и дневной пищи себѣ купить неимѣю и денегъ взаимны достать нигдѣ не могу“...

Чрезвычайно интересны образцы мозаичныхъ работъ Ломоносова: онѣ такъ художественны и изящны, что просто не вѣрится, что все это дѣлалось на зарѣ русскаго искусства.

Ломоносовскіе документы заканчиваются краткимъ донесеніемъ жены Ломоносова: „Онъ мужъ мой сего апрѣля 4 числа волею Божіею умре“. А далѣе мы находимъ обстоятельную родословную Ломоносова, въ которой встрѣчаемъ фамилии кн. Волконскихъ, гр. Ностицъ, Кочубеевъ, Орловыхъ и Ершовыхъ.

Изъ ломоносовскихъ книгъ, собранныхъ здѣсь, обращаетъ на себя вниманіе полное собраніе его сочиненій: „Покойнаго статскаго совѣтника и профессора, Михайлы Васильевича Ломоносова, собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ и прозѣ“. И тутъ же подписной билетъ на полученіе этихъ сочиненій, цѣною въ 12 рублей. Еще интереснѣе экземпляръ „Россійской исторіи“, сочиненной „статскимъ совѣтникомъ, Михайлой Васильевичемъ Ломоносовымъ, профессоромъ *хуми*“.

Такова эта интересная выставка. Она устроена съ большою любовью къ нашему прошлому и съ большимъ знаніемъ дѣла и художественнымъ вкусомъ. Побывать на ней, окунуться съ головой въ это красивое и такое мощное по творческой энергіи прошлое, провести часъ-другой въ общеніи съ великими умами и образами прошлаго — большое наслажденіе. И при томъ наслажденіе поучительное: эта выставка учитъ насъ съ уваженіемъ относиться къ нашимъ великимъ предкамъ, которые съ рѣдкимъ и завиднымъ трудолюбіемъ устраивали Русское государство и русскую жизнь и неустанно пріобщали къ культурѣ и къ художественной красотѣ бѣдную, сѣрую и грубую до-петровскую жизнь.

Высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. (Портр. на этой стр.).

3 мая с. г. исполнилось 25-лѣтіе епископскаго служенія митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго, высокопреосвященнаго Антонія.

Въ кругахъ духовенства и среди православнаго населенія петербургской епархіи митрополитъ Антоній пользуется глубокою любовью и уваженіемъ, какъ одинъ изъ рѣдкихъ истинныхъ пастырей духа, исполненный искренней любви и благоволенія къ людямъ, неизмѣнно ровный и мягкій въ обращеніи.

Высокопреосвященный Антоній, въ мѣрѣ Александръ Васильевичъ Вадковскій, родился въ 1846 году въ Тамбовской губерніи. Получивъ первоначальное образованіе въ Тамбовской духовной семинаріи, онъ поступилъ затѣмъ въ Казанскую духовную академію, гдѣ окончилъ въ 1870 году курсъ и былъ оставленъ доцентомъ при академіи.

Въ 1883 году владыка принялъ монашество и рукоположился въ іеромонаха и въ этомъ же году онъ, уже въ санѣ архимандрита, былъ назначенъ завѣдующимъ Іоанновскимъ монастыремъ въ Казани.

Спустя четыре года, въ 1887 году, въ жизни высокопреосвященнаго Антонія произошла важная перемѣна: уже будучи къ этому времени ректоромъ Петербургской духовной академіи, онъ былъ возведенъ впервые въ епископскій санъ и получилъ въ свое управленіе только что образованную тогда епархію финляндскую.

Въ 1898 году послѣ кончины петербургскаго митрополита Палладія состоялось возведеніе архіепископа Антонія въ санъ митрополита. И съ того времени и донинѣ высокопреосвященный владыка пребываетъ въ этомъ санѣ, неся нелегкій и отвѣтственный трудъ высшаго правителя въ средѣ петербургскаго духовенства.

Въ 1900 году митрополитъ Антоній былъ назначенъ первоприсутствующимъ въ Св. Синодѣ, а въ 1906 году избранъ членомъ Государственнаго Совѣта, но потомъ былъ освобожденъ отъ этого званія по болѣзни.

Высокопреосвященный Антоній является авторомъ многочисленныхъ трудовъ по богословію, признаваемыхъ весьма замѣчательными. Въ 1895 году высокопреосвященный былъ признанъ достойнымъ степени доктора богословія за совокупность его трудовъ.

3 мая с. г. состоялось торжественное чествованіе владыки его почитателями. Въ покояхъ юбиляра собрались митрополиты московскій и кievскій, члены Св. Синода и другія высокопоставленныя лица и принесли ему поздравленія. Чествованіе высокочтимаго пастыря носило торжественный и вмѣстѣ съ тѣмъ сердечный характеръ, показавъ на дѣлѣ, какой любовью пользуется высокопреосвященный Антоній во ввѣренной ему митрополіи.

Высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій (по поводу 25-лѣтія епископскаго служенія).
По фот. А. Денъера.

Конституціонныя осложненія въ Германіи.

(Политическое обозрѣніе).

Последнее путешествіе германскаго императора въ Страсбургъ ознаменовалось очень неприятнымъ эпизодомъ. Раздраженный оппозиціоннымъ тономъ мѣстныхъ дѣятелей, высокій гость не удержался отъ угрозы по адресу всей Эльзась-Лотарингіи. Смысль его обращенія былъ таковъ, что до сихъ поръ эльзась-лотарингское населеніе знало германцевъ только съ хорошей стороны, но неблагодарность за все уступки и послабленія, сдѣланныя побѣдителями 1870 года, можетъ вынудить ихъ показать на дѣлѣ и свои худыя стороны — повести къ отмѣнѣ еще такъ недавно дарованной автономіи и къ присоединенію упорно фрондирующихъ областей къ Пруссіи.

Сердитыя слова императора Вильгельма оскорбили не только страсбургцевъ, но и германскихъ гражданъ. Члены рейхстага вѣруютъ въ свои конституціонныя права и въ права посланныхъ ихъ гражданъ и потому не могли уклониться отъ оцѣнки страсбургскаго выступленія съ чисто конституціонной точки зрѣнія. Такъ какъ автономія Эльзась-Лотарингіи, какъ помнятъ наши читатели, проведена законодательнымъ путемъ при участіи рейхстага, какъ высшаго законодательнаго органа, а не император-

скимъ указомъ, то и упразднена она можетъ быть не иначе, какъ при согласіи того же законодательнаго учрежденія, съ согласія и одобренія избранныхъ представителей всего германскаго народа. При такихъ условіяхъ императоръ не могъ бы безъ нарушенія основныхъ конституціонныхъ законовъ страны привести въ исполненіе свою угрозу: провозглашенное императорскимъ указомъ упраздненіе эльзасъ-лотарингской автономіи явилось бы въ то же время и фактическимъ упраздненіемъ всей германской конституціи. Весьма понятно, что по этимъ причинамъ горячая обмолвка слишкомъ экспансивнаго вѣнценоснаго оратора вызвала несравненно большій шумъ въ Берлинѣ, чѣмъ даже въ Страсбургѣ. Въ качествѣ главнаго защитника германской конституціи выступилъ представитель наиболѣе многочисленной фракціи рейхстага, социаль-демократъ Шейдеманъ, который недавно былъ избранъ вице-президентомъ рейхстага. Рѣчь его представляетъ образецъ спокойной иронической критики всей внутренней политики нынѣшняго канцлера. Ораторъ началъ съ того, что въ политикѣ нѣтъ благодарности, но тѣмъ не менѣе канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ вполне заслуживалъ бы благодарность социаль-демократовъ, такъ какъ въ его правленіе партія получила 4½ милліона голосовъ и 110 мандатовъ, и если онъ все-таки не питаетъ къ главѣ правительства никакой благодарности, то лишь въ силу того, что результаты его политики совершенно противоположны его намѣреніямъ. Политика канцлера приспособляется къ шаткому и переходному положенію, которое не можетъ длиться вѣчно. Система личнаго режима, стоящая въ противорѣчьи съ ощущеніями и желаніями всего народа, накануне гибели. Народъ требуетъ отъ рейхстага, чтобы послѣдній обезпечилъ себѣ соответствующее положеніе, а если нужно—то и завоевалъ его. Съ безсиліемъ рейхстага должно быть покончено. Нельзя унижать себя резолюціями, не имѣющими послѣдствій. Или нужно уступить мѣсто рѣшительнымъ людямъ, которые по китайскому образцу установятъ въ Пруссіи-Германіи государственннй строй, достойный нашего времени. Никто въ Германіи не вѣритъ, чтобы существующій режимъ былъ проченъ. Въ политикѣ ведется вѣроломная игра. Какъ типичный случай, Шейдеманъ и приводитъ эльзасъ-лотарингскую исторію.

Въ рѣчи императора онъ привѣтствуетъ важное признаніе, сдѣланное компетентнымъ лицомъ, что присоединеніемъ къ Пруссіи можно угрожать, какъ величайшимъ наказаніемъ. Это такое же наказаніе, какъ арестантскія отдѣленія съ лишеніемъ правъ. (Правые протестуютъ: графъ Вестарпъ кричитъ: „пфуй!“ Шейдеманъ, обращаясь къ Вестарпу, говоритъ: „графъ, ваше счастье, что вы не социаль-демократъ и не сидите въ прусскомъ ландтагѣ!“ Смѣхъ). Присоединеніе къ Пруссіи—это, очевидно, то же, что переводъ въ разрядъ штрафованныхъ. Прусское подданство, это — низшая ступень германскаго подданства. Эти слова вызываютъ невѣроятный шумъ. Консерваторы требуютъ, чтобы ораторъ былъ призванъ къ порядку, что Кэмпфъ и дѣлаетъ. Шумъ и протесты справа продолжаются. Бетманъ-Гольвегъ встаетъ, дѣлаетъ знакъ другимъ представителямъ правительства и уходитъ, сопровождаемый остальными министрами. Въ дальнѣйшей рѣчи ораторъ обращается съ вопросами къ пустующему креслу канцлера. Шейдеманъ, продолжая рѣчь, говоритъ, что одинъ изъ факторовъ законодательства—корона, не спросившись двухъ другихъ факторовъ — рейхстага и союзаго совѣта, безъ которыхъ онъ ничего сдѣлать не можетъ, выступилъ съ угрозами. Для успокоенія населенія, взволнованнаго безответственными высту-

пленіями, ораторъ заявляетъ, что рейхстагъ не приметъ участія въ осуществленіи угрозы. Солидарны съ рейхстагомъ въ этомъ вопросѣ будутъ и представители южныхъ государствъ Германіи въ союзномъ совѣтѣ. Такія выступленія, не сообразованныя съ прямыми требованіями конституціи, выходящія изъ рамокъ дѣйствующаго закона и вносящія въ дѣятельность правительственныхъ органовъ беспорядочный хаосъ, а въ жизнь страны — тревогу, растерянность и неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, — переживаются крайне тяжело. Такимъ вещамъ долженъ быть положенъ предѣлъ усиленіемъ парламента и завоеваніемъ свободнаго избирательнаго права для Пруссіи.

Въ этой рѣчи нашло свое выраженіе не одно только личное мнѣніе оратора. Онъ говорилъ не отъ себя, но отъ имени цѣлой партіи, за спиною которой стоятъ почти пять милліоновъ избирателей и сочувствіе всего народа. При такихъ условіяхъ нельзя видѣть въ страсбургскомъ выступленіи только ничтожный эпизодъ. Онъ знаменуетъ собою начало серьезной внутренней борьбы за конституціонныя начала и возвращаетъ современную Германію къ положенію, пережитому ею въ 1848 году.

Къ рисункамъ.

...Онъ стоитъ передъ нею, смущенный и безмолвный, не находя словъ, не зная, куда дѣваться отъ волненія... Она смѣется: ей любо глядѣть на этого красиваго и статнаго юношу, такого сильнаго и смѣлаго съ другими и такого робкаго и застѣнчиваго съ нею. А онъ не видитъ въ ея смѣющихся глазахъ ничего, кромѣ насмѣшки, и еще болѣе смущается и въ отчаяніи думаетъ, что все погибло, и что „безумная“ любовь его не встрѣтитъ отвѣта... Эта милая идиллія живо и красиво передана нѣмецкимъ художникомъ Г. Зеегеромъ въ его картинѣ „Встрѣча“.

„Милосердный самарянинъ“ І. Обера—талантливая и экспрессивная иллюстрація къ трогательному библейскому тексту. И здѣсь тоже изображена встрѣча, но проникнутая совѣтомъ иной любовью: той любовью, которая вся основана на Христовой заповѣди „Люби ближняго, какъ самого себя“ и которая рождена состраданіемъ и милосердіемъ.

Рядъ рисунковъ, воспроизводимыхъ нами далѣе, знакомитъ читателей съ послѣдней выставкой товарищества „Независимыхъ“. Видное мѣсто среди этихъ рисунковъ занимаетъ портретный жанръ: таковы произведенія Е. Малишевой — „Портретъ Н. Н. М.“, А. Вахрамѣева — „Рисунокъ“, А. Титова — „Въ деревнѣ“, М. Соколова — „Портретъ и-на В. О. С.“ и А. Любимова — „Бандуристъ“ и „Этюдь“. Картины И. Суханова („Каменецъ-Подольскъ“) и М. Демьянова („Венеціанскія барки“) знакомятъ насъ съ живописными руинами старинной крѣпости въ Каменецъ-Подольскѣ и съ меланхолическими каналами „царицы морей“—Венеціи.

„Въ мастерской“ И. Грабовскаго—уютный „interieur“: въ окна глядитъ тусклый петербургскій день, но у обитателей этого „interieur'a“ бодрое и жизнерадостное настроеніе, и кажется, что улыбка молоденькой дѣвушки освѣщаетъ все вокругъ.

Рисунокъ А. Афанасьева „Видъ плыли жгъ поперекъ утки“ является оригинальной и талантливой иллюстраціей къ извѣстному стихотворенію гр. Алексѣя Толстого.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разерочки подписной платы за „Ниву“ сего 1912 г., къ 1 юня слѣдуетъ внести **не менѣе 6 руб.** Гг. подписчики, уплатившіе меньше указанной выше суммы, благоволятъ поэтому озаботиться **немедленною присылкою** слѣдующаго взноса. При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ №. печатнаго адреса съ бандероли или прилагать самый адресъ. При **перемѣнѣ адреса** слѣдуетъ прилагать **28 к.** почтов. марками и печатный адресъ.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Избалованный. Веселая повѣсть въ духѣ времени. Ал. Лугового. (Продолженіе).—„Мои воришки“. Изъ жизни подонковъ Елисаветинской эпохи и Ломоносовъ. Милана. Разсказъ А. Равицы. Переводъ съ итальянскаго В. Владнева. (Окончаніе).—Олимпійскія игры въ Стокгольмѣ (Окончаніе).—Обозрѣніе).—Къ рисункамъ.—Заявленіе.—Объявленія.

Р И С У Н К И: Встрѣча.—II Выставка картинъ Товарищества „Независимыхъ“ (11 рисунковъ).—Милосердный самарянинъ.—Олимпійскія игры. 5-я Олимпиада въ Стокгольмѣ (7 рисунковъ).—Выставка „Ломоносовъ и Елисаветинское время“ въ Императорской Академіи Художествъ (12 рисунковъ).—Графъ С. С. Татищевъ.—Высокопреосвященный Антоній, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій „А. А. Фета“ кн. 3.

